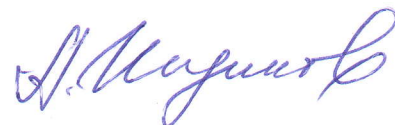

На правах рукописи

Шунков Александр Викторович

**«ПЕРЕХОДНЫЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русской и зарубежной литературы

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, сектор археографии и источниковедения, старший научный сотрудник

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кафедра фольклора и древней литературы, заведующий кафедрой

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Литературный институт имени А. М. Горького», кафедра русской классической литературы и славистики, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Защита состоится 14 октября 2015 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, ул. Ленина 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru

Автореферат разослан «_____»

2015 года.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php

Ученый секретарь
диссертационного

совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию переходных процессов в русской литературе второй половины XVII – начала XVIII века, благодаря которым происходило качественное изменение представления автора о возможностях книжного произведения, вводились в практику новые художественные приемы изображения мира и человека, определившие в дальнейшем поэтику «переходного текста».

Отечественная медиевистика, в основе которой лежат научные подходы школы академика Д. С. Лихачева, при изучении литературного процесса XVII века в большей степени сконцентрировала свое внимание на изучении тех произведений, которые позволяют проследить формирование и развитие беллетристического начала в истории русской литературы. В этой связи XVII столетие всегда оценивалось как период, сформировавший новую поэтику литературного текста. Выводы, сделанные в свое время И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, А. М. Панченко, А. Н. Робинсоном, А. С. Деминым, Е. К. Ромодановской, Л. И. Сазоновой и другими учеными, приводятся в значительном количестве работ, посвященных изучению разных аспектов литературных явлений переходного периода русской культуры.

Однако, несмотря на убедительные и признанные результаты научного анализа в области текстологии, атрибуции текстов, изучении списков и редакций одного текста и др., нельзя сказать, что подведена черта в исследовании литературных процессов, происходивших во второй половине XVII – начале XVIII века. На сегодняшний день создана целостная картина литературного процесса, слагающегося из знаковых, эпохальных произведений в период перехода от Средневековья к Новому времени. Неизученным остается «*исследование конкретного механизма слома традиции* (курсив мой. – А. Ш.)»¹. Этот процесс можно проследить на примерах «пограничных», «переходных», текстов, для которых характерно соединение в одном произведении средневековой поэтики и зарождающейся новой эстетики.

Высказанное Е. К. Ромодановской мнение о необходимости разработки и использования нового подхода в исследовании текста XVII века не только не противоречит, но даже в чем-то созвучно выводам, сделанным Л. А. Черной², основанным на философско-антропологическом подходе к изучению культуры переходного периода.

Сосредоточив свое внимание на изучении механизмов культурного перехода, вызванного новой концепцией человека, Л. А. Черная делает ряд наблюдений и выводов, которые представляются значимыми. В них детально описан механизм культурного перехода (движение от культуры «тела» в язычестве к культуре «души» в Средневековье и далее к культуре «разума» в Новое время). Концепция Л. А. Черной органично вписывается в методику исследования книжных текстов заявленного периода, в которых актуализируется смена культурной парадигмы.

В связи с этим в поле внимания исследователя должна быть включена особая разновидность текстов, в силу своей «пограничной» природы расположенных на периферии литературного процесса и не являющихся беллетристическими в строгом смысле слова. Именно по этой причине данная группа произведений долгое время оставалась вне исследовательского интереса. Но поскольку она

¹ Ромодановская Е. К. Римские деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. С. 8. Эта же проблема исследовательницей была поставлена и ранее. См. Ее же. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск: Наука, 1994. С. 6.

² Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.; Ее же. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.

существует в одном историко-культурном пространстве с книжными памятниками, обладающими литературной природой, то соответственно не может быть проигнорирована. Тексты, имеющие переходный характер, несмотря на отсутствие в них в ряде случаев явного художественного начала, также способны дополнить и расширить устоявшееся в науке представление о развитии русской литературы переходного периода. В данном случае интересными представляются образцы документальных текстов, в которых проявляется субъективный взгляд их составителей на произошедшее событие.

Предложенные в диссертации проблема и вариант ее решения находятся в русле идей, наблюдений и выводов, которые содержатся в историко-литературных исследованиях отечественных медиевистов и свидетельствуют о необходимости изучения новых уровней словесного творчества в Древней Руси, отдельных текстов и отдельных авторов, на основе анализа которых возможно выстраивать новые теоретические концепции. Для исследования были привлечены тексты, ранее широко не изучавшиеся и требующие совершенно иной методики анализа, которая даст возможность проследить становление новой литературной парадигмы в переходный период.

Материалом исследования являются книжные памятники второй половины XVII века – начала XVIII века, переходного этапа русской литературы. Это «Дневальные записки приказа Тайных дел» (1657–1675), «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» («Урядник сокольничья пути», 1656) – образец обрядово-ритуального текста («текст-ритуал»), сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667), беллетристические повести рубежа XVII–XVIII веков, а также эпистолярный и другие сочинения, написанные царем Алексеем Михайловичем и его окружением.

При первом знакомстве с вышеуказанными текстами нельзя не заметить их разножанровость. Однако при всей жанровой мозаичности привлекаемого материала есть то общее, что объединяет эти произведения в одну группу, названную «переходный текст». Данный состав произведений уже нельзя полностью отнести к средневековым. Книжные памятники хотя и функционируют как деловые, но уже не являются таковыми в чистом виде. В то же время они еще и не художественные, если смотреть на них с позиции Нового времени. Для всех этих образцов как документальных свидетельств своей эпохи свойственно изображение нового типа личности – человека переходного периода, поэтому на их основе возможно рассмотреть сам процесс и механизм его формирования в переходных условиях русской культуры, а также процесс зарождения новой, светской литературы, имевшей одним из своих истоков деловую книжность.

Взаимодействие документального и литературного начал в древнерусской книжности – явление, охватывающее всю историю русской литературы начиная с первых этапов ее становления и развития. Различные аспекты взаимодействия этих двух начал в древнерусской книжности в свое время были рассмотрены в работах И. П. Еремина, А. А. Назаревского, Д. С. Лихачева, А. С. Демина, Е. К. Ромодановской и других ученых. Объектом исследования в основном являлись статейные списки и челобитные.

Однако в корпусе деловой книжности помимо сочинений, имеющих коррелят в литературе, есть образцы деловых текстов, которые всегда были за пределами художественной литературы. К таковым относятся различные акты, приходно-расходные книги, грамоты, имущественные описи, частные письма и многие другие тексты. Эти жанровые формы деловой книжности также оставили свой след в секуляризации древнерусской литературы, однако их роль в процессе взаимодействия литературы и документалистики в условиях переходного времени

еще до конца не изучена. Именно поэтому тексты, вводимые в исследование, позволяют существенно расширить представление о масштабах взаимодействия документального и литературного начал в переходный период русской культуры. На их примере рассмотрен процесс смены семиотической парадигмы в русской культуре XVII столетия. Исследуемый материал позволяет увидеть, как пробуждается личностное сознание, как зарождается ощущение исторического процесса, проявляемого в фиксации будничных, ежедневных событий из жизни исторической личности.

Таким образом, материалом исследования являются как рукописные, так и печатные источники второй половины XVII – начала XVIII века, представляющие отдельную группу книжных памятников, названную «переходный текст» второй половины XVII – начала XVIII века. Данное определение является условным, но оно абсолютно органично для самой историко-культурной эпохи, в рамках которой в русской литературе складывался и бытовал «мерцающий» новыми гранями новый тип текста.

Известно, что в истории отечественной медиевистики период развития русской литературы XVII – первой трети XVIII века называется «переходным». В науке существует несколько подходов, применяемых при исследовании переходных явлений определенных этапов развития культуры: социально-экономический, семиотический (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский), историко-литературный (Д. С. Лихачев), философско-антропологический (Л. А. Черная) и другие. Ранее уже отмечалось, что данное название, которое закрепилось за этим историческим периодом, «лишено терминологической четкости и грешит субъективизмом»³. Тем не менее, оно прочно закрепилось за конкретной эпохой развития русской литературы.

В конечном итоге, под термином «переходный текст» понимается такая разновидность книжного текста, которая объединяет элементы традиционной средневековой поэтики и новые эстетические представления автора о мире и человеке, совмещает в себе черты документа и литературного произведения и получает распространение в период второй половины XVII – начала XVIII века.

Обоснование темы диссертации.

В отечественной науке проблема изучения русской литературы и культуры переходного периода, определения ее специфики поднималась неоднократно и рассматривалась в различных аспектах. Историография этого вопроса насчитывает не один десяток работ как отечественных, так и европейских славистов (С. Матхаузерова, Э. Малэк). Однако, несмотря на разные подходы в изучении проблемы переходности в русской литературе, все исследования так или иначе были связаны с выявлением беллетристического начала в произведениях. Началом же «переходного этапа» в развитии русской литературы, согласно концепции, предложенной Д. С. Лихачевым, явились повести Смутного времени, которые и привели к проникновению в русскую литературу ренессансных идей и утверждению нового стиля. Последствия этих изменений хорошо известны, о них много было сказано в исследованиях Д. С. Лихачева и в работах других отечественных медиевистов (И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Панченко, Л. А. Дмитриев, А. Н. Робинсон, А. С. Демин, В. В. Кусков и др.). Результатами исследований огромного пласта литературных памятников «переходного периода» стали выводы, которые создали устойчивое представление о литературной эпохе XVII века как времени, открывшем для русской литературы человека, индивидуальный авторский стиль, новые темы,

³ Буланин Д. М. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: XVII век, ч. 1. С. 3.

жанры, направления и т.д. Высказанная Д. С. Лихачевым еще в начале 70-х годов XX века идея об особой роли XVII столетия в развитии русской литературы стала основой для новых теоретических и практических исследований литературных явлений переходного периода, благодаря которым появилась возможность изучать переходные процессы в культуре.

Определенным знаковым событием в этом направлении стала серия работ 70–80-х годов XX века А. М. Панченко, в которых он исследовал процессы, происходившие в русской культуре второй половины XVII века. А. М. Панченко в результате изучения противоречивых, «неоднородных и пестрых» культурных пластов, сосуществовавших в XVII столетии, показал на примере текстов эпохи, как происходил «культурный переворот». Следствием «состязательности» двух культурных традиций («грекофилов» и «латинствующих») стал не только выбор европейского пути развития страны, но и выбор нового слова в литературе Петровского времени.

Новый подход к исследованию литературы переходного периода был предложен Е. К. Ромодановской⁴. Она на примере беллетристической повести XVII века показала, как происходил процесс зарождения новой литературной традиции в России. Секуляризация русской культуры и, как следствие данного процесса, преодоление средневекового синкретизма литературы привели к усилению вымысла в русских повестях. Изменение содержания повести вызывает изменение ее формы. Именно в этом ученый видела «механизм слома древнерусской литературной традиции и ее смены литературой Нового времени»⁵.

Среди научных концепций, рассматривающих проблемы переходного этапа русской культуры, заслуживает внимание подход, предложенный Л. А. Черной. Несмотря на то что ее исследование не является филологическим и имеет в большей степени культурологический характер, тем не менее, конечная цель его заключается в анализе механизма перехода в культуре, позволяющего увидеть формирование новой модели человека. Л. А. Черная для доказательства основных положений своей концепции обращается к памятникам русской литературы XVII века, демонстрирующим появление в русской культуре «человека нового типа»⁶, и апеллирует к исследованиям медиевистов, разноаспектно исследовавших произведения литературы переходного периода.

Таким образом, на протяжении уже длительного времени в отечественной науке переходный период в развитии русской литературы второй половины XVII – первой трети XVIII века вызывает пристальный интерес ученых. Их внимание обусловлено неоднородностью тех процессов, которые происходили в литературе переходного периода и которые привели в конечном итоге к трансформации традиционной и утверждению новой культурной парадигмы. И одним из следствий этого перехода стало утверждение нового художественного текста, явившегося одним из результатов «перехода» от Средневековья к Новому времени. Однако, несмотря на существование на сегодняшний день фундаментальных работ авторитетных ученых, посвященных исследованию конкретных произведений, писательской манеры авторов XVII века, жанров, стилей, направлений, открытым остается вопрос о том, что есть такое «переходный текст», представляющий определенный этап в развитии русской литературы, ее переходный период.

⁴ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 230 с.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Определению типологических признаков «homo novus» автор посвящает отдельную главу в своей монографии. См.: Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 173–245.

Актуальность темы диссертации обусловлена как общей проблемой изучения в современной науке процесса взаимодействия документальной и литературной традиций в переходный период, так и исследованием данного явления на примере отдельных книжных памятников второй половины XVII – начала XVIII века, ранее подробно не рассматривавшихся в отечественной медиэвистике и литературоведении.

Диссертационное исследование выполнено на стыке нескольких научных дисциплин и реализует комплексный подход к материалу, что позволяет взглянуть на него с новой позиции и проанализировать те аспекты, которые ранее оставались вне поля зрения исследователей русской литературы переходного периода. В диссертации по-новому реализовано изучение особенностей взаимодействия документального и литературного начал, рассматриваются книжные памятники, не изучавшиеся в контексте данной проблематики. Актуальным представляется предложенный в диссертации механизм анализа «переходного текста».

Объектом исследования является феномен явления словесности, обозначенный понятием «переходный текст» и представленный рядом книжных произведений второй половины XVII – начала XVIII века.

Предмет исследования – механизмы и способы формирования «переходного текста», демонстрирующего новое представление автора о возможностях книжного произведения и совмещающего в себе черты документа и литературного произведения.

Целью диссертационного исследования является изучение памятников переходного времени (вторая половина XVII – начала XVIII века) как целостного явления, что подразумевает интерпретацию различных жанровых форм, имевших наибольшее распространение в исследуемой эпохе, в качестве вариантов одного художественного феномена – «переходного текста», обладающего особой поэтикой. Проведенное исследование позволяет впервые охарактеризовать литературную природу новых жанровых форм рубежа XVII–XVIII веков; изучить процесс открытия новых возможностей в изображении события в текстах, занимающих переходное положение между документом и литературой; увидеть процесс трансформации старой жанровой системы; описать новые явления литературного характера, расширяющие сведения о процессе зарождения личностного сознания в русской культуре и проявляющие себя в усилении интереса автора/составителя того или иного произведения к событиям частного характера.

Достижение вышеуказанной цели основано на постановке и решении следующих конкретных **задач**:

1) определить генезис понятия «переходный текст» в русской литературе, обозначить четкие терминологические границы этого понятия в теоретико-литературном плане;

2) дать описание поэтики «переходного текста» русской литературы второй половины XVII – начала XVIII века через обращение к основным поэтологическим категориям: поэтике жанра, поэтике сюжета, композиции, стиля и др.;

3) выделить характерные особенности влияния европейской литературной традиции, а также художественной культуры эпохи на формирование нового типа текста в переходный период развития русской литературы;

4) изучить процесс формирования авторского сознания, ориентированного на принятие и усвоение европейской традиции понимания

исторического процесса на примере «Дневальных записок приказа Тайных дел», памятника документальной книжности второй половины XVII века;

5) исследовать особенности влияния деловой письменности на литературу через анализ особой жанровой формы русской книжности XVII века – «чиновников», рассмотрев эволюцию данной жанровой формы в истории русской литературы второй половины XVII века;

6) дать литературную характеристику образцам эпистолярных сочинений царя Алексея Михайловича, хранящихся в архиве приказа Тайных дел, выявив случаи индивидуальных авторских приемов в исследуемых текстах.

Общей **методологической основой** диссертации стало системное единство различных литературоведческих подходов при анализе поэтики произведения древнерусской литературы, в частности – текста XVII века, как в соотнесенности с литературным процессом, так и в обнаружении собственных имманентных свойств текста.

Поставленные в диссертации цель и задачи потребовали привлечения следующих общенаучных и специальных **исследовательских методов**: историко-функционального, сравнительно-исторического, семиотического, нарратологического. В работе используются современные достижения литературоведения, а также других гуманитарных дисциплин: истории, эстетики, философии, культурологии.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы А. Н. Веселовского по исторической поэтике; исследования, посвященные специфике древнерусской словесности и общелитературным процессам второй половины XVII – начала XVIII века (А. С. Демина, В. В. Кускова, Л. В. Левшун, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановской, Л. И. Сазоновой, А. Н. Ужанкова и др.); работы историков литературы и культуры, представителей московско-тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского); а также исследования отечественных ученых, основанные на философско-антропологическом подходе к изучению явлений художественной культуры (Л. А. Черной). В основе анализа памятников лежит системный подход, предполагающий изучение текста как художественного целого в единстве формы и содержания. Он основывается на сочетании сравнительно-текстологического, сравнительно-исторического, историко-типологического и герменевтического методов.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые предпринято изучение «переходного текста» второй половины XVII века – начала XVIII века как единого целого. Это позволяет вычлнить общие особенности книжных текстов переходной эпохи, обобщить и систематизировать частные случаи, прибегая к анализу поэтологических категорий, которым ранее не было уделено должного внимания.

В частности, в диссертации

- раскрыт генезис понятия «переходный текст» в русской литературе;
- целостно представлена особая группа книжных текстов, обладающих признаками «переходности» (чиновники, ежедневные записки, описания церемониальных действий и др.);
- впервые разработана и предложена к применению методика анализа жанровых форм документальной книжности как переходного явления в русской литературе;
- явления переходного характера в русской литературе XVII – начала XVIII века рассмотрены на текстах, ранее не вводившихся в научный оборот;

– впервые проанализирована поэтика ряда текстов второй половины XVII – начала XVIII века, определено их место в развитии литературной традиции переходного периода;

– под новым углом зрения осуществлена интерпретация повествовательных произведений переходного периода;

– установлен ряд своеобразных черт индивидуального стиля произведений, принадлежащих царю Алексею Михайловичу;

– впервые проанализирован характер взаимовлияния историко-культурных событий XVII века и книжных форм переходного периода развития русской литературы.

Теоретическая значимость работы заключается в возможностях применения ее методологии и выводов к изучению русской литературы переходного периода; предложена методологическая модель анализа закономерностей трансформации средневековой культуры в светскую.

Практическая значимость исследования состоит в разработке универсальных принципов филологического анализа произведений, представляющих тип «переходного текста». Выводы исследования и вводимые в научный оборот источники могут быть использованы при разработке новых учебных программ и пособий, лекционных курсов по древнерусской литературе и спецкурсах, при подготовке курсовых и дипломных работ студентов, в эдиционной практике при комментарии текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Вводимое понятие «переходный текст» позволяет рассматривать книжные произведения второй половины XVII – начала XVIII века как целостное явление, представляющее «пограничный» период в развитии русской литературы, в рамках которого происходили изменение и смена семиотической парадигмы в русской культуре. Их поэтикой была подготовлена национальная почва для перелома в русской литературе XVIII века. Усвоение новых европейских форм культуры было закономерно и естественно, поскольку процесс модернизации страны начался задолго до Петровских реформ и нашел свое отражение в памятниках книжной культуры переходного времени.

2) Литературное явление, обозначенное понятием «переходный текст», включает в себя комплекс разножанровых произведений второй половины XVII – начала XVIII века, объединенных общими признаками новой поэтики: традиционность и новизна находятся в синтезе, жесткий стилевой канон уступает место свободному стилю выражения мыслей, что в дальнейшем способствовало развитию в литературе художественной речи.

3) Поэтика «переходного текста» определяется совокупностью элементов двух художественных парадигм: традиционной средневековой и новой, только формирующейся в русской культуре второй половины XVII века, которая отражает новые эстетические представления о мире и человеке.

4) Выделение особой группы текстов «переходного типа» уточняет характеристику процессов, которые происходили в русской литературе второй половины XVII – начала XVIII века и формировали новую семиосферу русской культуры переходного периода.

5) Активное составление во второй половине XVII века особого рода книжных текстов – описаний церемониалов («чиновников») – позволяет проследить «переход» сакрального обряда в светское и секуляризированное действие, вербализуемое и разыгрываемое в театрально-зрелищных формах. В переходный период развития русской культуры эти «чиновники» закладывают традиции драматургии. Художественно-эстетические особенности как светских,

так и церковных чинов определяют поэтологическое своеобразие произведений русской литературы Нового времени.

6) В переходный период усиливается взаимодействие документальных и литературных жанров, что привело к созданию крупных книжных произведений эпохи («Дневальные записки приказа Тайных дел», «О России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина), активизируется процесс формирования авторского самосознания, ориентированного на принятие и усвоение европейской традиции понимания исторического процесса.

7) Крупные книжно-документальные тексты переходной эпохи («Дневальные записки приказа Тайных дел», сочинение Григория Котошихина) фиксируют новую историческую картину мира, новое восприятие времени, исторического события и его выражение в книжном тексте. Акцент переносится с крупных и монументальных исторических событий на моменты частной жизни человека, что является одной из новых особенностей поэтики произведений переходного времени.

8) Признаком поэтики «переходного текста» становится изображение «новой» человеческой личности. Динамика внутреннего мира героя приходит на смену средневековой схематичности в изображении человеческой души. «Поэзия души» найдет свое воплощение и выражение в эпистолярных сочинениях царя Алексея Михайловича, адресованных широкому кругу читателей и представляющих собой различные варианты жанра послания. Таким образом, в переходный период развития русской литературы закладывается традиция дружеского письма, расцвет которого произойдет в литературе Нового времени (XVIII–XIX века).

9) Поэтика «переходного текста» демонстрирует новое мировоззрение автора, не связанного средневековыми книжными канонами и стремящегося к выражению своего взгляда и отношения к изображаемому событию и герою. Литературная техника автора переходной эпохи включает в себя новые риторические приемы, определяющие индивидуальный стиль; субъективность авторской точки зрения; новые изобразительные средства языка и жанровые границы произведения. Наряду с сохраняющейся еще деловой предназначенностью и утилитарностью средневекового текста во второй половине XVII века активно формируется представление о необходимости риторического украшения произведения. В этом случае риторичность уже выступает как признак литературности текста.

10) «Переходный текст» второй половины XVII – начала XVIII века дает возможность более детального изучения времени, общественного сознания в России, что, в свою очередь, расширяет представления современного человека об историко-культурных, историко-литературных процессах и явлениях, носивших «пограничный» характер и заложивших основы будущих преобразований в культурной жизни России.

Основные положения диссертации опубликованы в научных сборниках, периодических изданиях, в том числе журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, зарубежной периодике, монографиях, пособиях, сборниках научных трудов, сборниках материалов российских и международных научных конференций.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют формуле научной специальности 10.01.01 «Русская литература»: ее содержанию и объекту исследования.

Концепция исследования прошла **апробацию** на международных и всероссийских конференциях: «Культура как предмет междисциплинарных исследований» (Томск, 2008), «Православная культура в современном мире» (Кемерово, 2008), «Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени» (Новосибирск, 2008, 2012), «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») (Великий Новгород, 2007, 2009), III Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 2010), «Из Древней Руси в Россию старообрядческую» (Новосибирск, 2012), «Homo communicans: человек в пространстве межкультурной коммуникации» (Щецин, Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Szczecińskiego, 2012), «Sociálne posolstvo Jána Pavla II. Pre dnešný svet 2013 v dňoch 21–22 marca 2013 v Poprade» (Ružomberok, 2013), «Христианство и славянское культурное наследие» (Кемерово, 2013), «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (Новосибирск, 2013), «Сюжетология / Сюжетография» (Новосибирск, 2014), «Русская литература и культура в Европе XXI века. Традиция – перемены – перспективы» (Варшава, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2014).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 477 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование темы диссертации, ее актуальности, рассмотрена историография вопроса, определены цели, задачи, предмет и объект исследования, а также его методы, обозначена научная новизна, теоретическое и практическое значение полученных в ходе работы результатов.

В **главе первой «“Переходный текст”: динамика традиционного сюжета и мотива в повествовательной традиции второй половины XVII – начала XVIII века»** рассматривается процесс трансформации средневекового сюжета и мотива в условиях переходного времени. Предметом анализа были выбраны произведения, демонстрирующие два разных типа словесного творчества переходного времени. Одни принадлежат к «придворной» литературе и культуре, другие – представляют беллетристическую традицию «демократической» анонимной литературы рубежа XVII–XVIII веков. Рассмотренные произведения имеют и разную жанровую природу, что позволило в более широком диапазоне показать динамику традиционных сюжетов и мотивов средневековой литературы и на их примере выявить характерные особенности, определяющие поэтику текста переходной эпохи.

В **параграфе 1.1. «“Переходный текст” в русской литературе как научная проблема в отечественной и европейской медиевистике»** рассмотрены основные научные концепции, предлагающие разные подходы в исследовании явлений переходного характера в истории русской литературы. Было отмечено, что научные концепции (П. Н. Беркова, А. М. Панченко, Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, Е. К. Ромодановской, Л. И. Сазоновой, Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, А. Н. Ужанкова, С. Матхаузеровой, Э. Малэк и др.) как результат изучения переходных явлений в русской культуре и литературе демонстрируют не только полярность точек зрения на исследуемую проблему, но в то же время показывают возможность ее многоаспектного изучения. Представленные в параграфе подходы, применяемые в изучении литературы переходного периода, подчеркивают неоднозначность решения проблемы, и сегодня сохраняющей свою актуальность.

Каждый из последующих параграфов первой главы на примере книжных памятников второй половины XVII – начала XVIII века посвящен анализу того, как происходила эволюция средневековой книжной традиции (сюжета и мотива) в условиях переходного времени.

Параграф 1.2. «Церковная книжная традиция в условиях переходного периода» («Сказание об успении Богородицы» царя Алексея Михайловича) дает возможность увидеть взаимодействие двух литературных традиций на примере новой редакции богослужебного сочинения, созданного при участии царя Алексея Михайловича. Книжный памятник впервые рассматривается в контексте переходных процессов, происходивших в русской литературе второй половины XVII века. Примененный подход позволил вписать «Сказание...» в литературную традицию своей эпохи и на этом фоне показать его литературную природу.

Новая редакция «Сказания об успении Богородицы», составленная в середине XVII века, известна тем, что к ее созданию был причастен царь Алексей Михайлович. Текст новой редакции «Сказания...» был обнаружен в архиве царя и впервые опубликован С. А. Белокуровым⁷ в начале XX века. Литературная природа памятника все это время оставалась неисследованной. Однако именно с этой стороны «Сказание...» представляет собой одно из интереснейших книжных произведений переходного времени, которое позволяет увидеть литературную основу данного книжного памятника и личность царя Алексея Михайловича как редактора текста.

«Сказание...» царя Алексея Михайловича в общих чертах выдержано в традиции христианской книжности. Составитель из огромного количества имеющихся вариантов сказаний об успении Богородицы выбирает два наиболее ранних, оцениваемых как эталонные для всех последующих. Данный факт показателен, поскольку демонстрирует традиционность авторского мышления, ориентированность на канонические образцы. В итоге создается произведение, тесно связанное с иконописным изображением сюжета. В то же время Алексей Михайлович как редактор старался достичь такого эффекта, когда видимая зависимость его сочинения от образца будет сведена к минимуму. В результате всех предпринятых редакторских правок было составлено оригинальное произведение, отличающееся от всех типов сказаний об успении Богородицы.

Царская редакция в итоге приобрела лаконичность и особый лирический оттенок. В ней составитель отдал предпочтение динамике повествования, сделал акцент на изображении эмоционального состояния главной героини – Богородицы. Пять сюжетных эпизодов «Сказания...», как клеймы, обрамляющие основной иконописный сюжет, последовательно изображают известные канонические события, фокусируя внимание на сюжетной линии Богоматери – Христа. Составитель «Сказания...» последователен и в использовании традиционного книжного приема построения композиции своего произведения – рамочного оформления авторского текста заимствованными цитатами из других книжных источников.

В «Сказании...» сохранены все основные моменты канонических вариантов сказания, главные образы-символы иконописной традиции, равно как и особое лирическое мироощущение, связанное с переживанием событий земной жизни Богородицы. В этом отношении «Сказание...», отредактированное Алексеем Михайловичем, органично дополняет ранее известные варианты сюжета успения Богородицы в литературной традиции. Но в то же время есть на первый взгляд

⁷ Сказание об успении пресв. Богородицы, правленное царем Алексеем Михайловичем // Российский Государственный архив древних актов (далее по тексту – РГАДА). Ф. 27. Оп. 1. № 527. См: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII века. М., 1902. С. 24–28.

незаметные авторские черты, именно они придают «Сказанию...» определенное литературное своеобразие. Речь идет об особой драматизации, проявляющей себя в динамике развертывания событий.

Составитель и редактор «Сказания...» существенно сократили исходные канонические тексты, послужившие основой для новой редакции. В результате новый текст получился лаконичным и в то же время динамичным, «живым», сосредоточивающим внимание на событии и его героях. Развитие и нарастание конфликта в «Сказании...» идет с использованием приемов, которые позже будут применяться в театрализованных представлениях.

В рукописном варианте «Сказания...» сохранились правки Алексея Михайловича, представляющие собой не только текстовую редактуру памятника, но и дополнения музыкально-певческого характера. В примечаниях к опубликованному тексту С. А. Белокуров указывает на имеющиеся в рукописи крюковые ноты и стихиры (так называемые «Марьины слезы»⁸), которые могут быть рассмотрены как необходимое дополнение, внесенное Алексеем Михайловичем к новой редакции сказания об успении Богородицы.

Наличие нотных знаков в рукописи «Сказания...» может быть свидетельством того, что Алексей Михайлович видел этот текст как составную часть церковной службы. Новая редакция сказания составлялась и правилась с той целью, чтобы максимально соответствовать каноническим требованиям и использоваться в обрядовой практике наряду с другими богослужебными сочинениями, имеющими прямое отношение к Алексею Михайловичу: его авторский распев «Достойно есть»⁹, песнопение «Ис Тебе, Пресвятая Богородице Дево»¹⁰, ряд других сочинений, которые не сохранились, но упоминаются в описи библиотеки Алексея Михайловича 1682 года. Оригинальность царской редакции сказания с позиции авторских приемов уже предваряют те открытия в литературе XVII века, которые традиционно связывают с явлением барокко. В «Сказании...» происходит сращение, синтез эпического, лирического и драматургического компонентов, определяющих его как абсолютно новое произведение, не похожее на ранее созданные варианты. Алексей Михайлович как редактор текста первый из писателей XVII века показал драматизм известного евангельского сюжета, устранив «лишние» детали и, тем самым, акцентировав внимание на линии Матери – Сына. Этой своей особенностью сказание об успении Богородицы в редакции Алексея Михайловича уже вписывается в традицию литературы переходного времени, открывшей новые художественные формы для подачи канонического материала.

В параграфе 1.3. «Беллетризация обрядового сюжета в повествовательной традиции переходного периода. (“Повесть о преставлении патриарха Иосифа”, послание Алексея Михайловича князю Н. И. Одоевскому 1653 года)» определена дальнейшая эволюция средневековой книжной традиции на примере эпистолярного творчества царя Алексея Михайловича. Материалом для исследования стали послания, тематически объединенные мотивом смерти (успения, сна). С этой стороны исследование позволяет реконструировать портрет Алексея Михайловича как писателя, динамичного в своей творческой практике, способного к созданию разных вариантов одного сюжета.

⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 337. Л. 12, 13.

⁹ ГИМ. Син. певч. № 52. Л. 185; Протопопов В. В. Четырехголосная хоровая композиция царя Алексея Михайловича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1991 / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1997. С. 107–110.

¹⁰ Былинин В. К., Посощенко А. Л. Царь Алексей Михайлович как мастер распева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987 / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1988. С. 131–137.

Знание жанровых требований средневековой книжности, прекрасное владение литературной техникой составления «высокого» книжного текста позволили Алексею Михайловичу в полной мере применить их в другой сфере своего писательского творчества – дружеском послании, соединившем черты документальной книжности и беллетристики.

Предметом исследования стали послания царя Алексея Михайловича, которые тематически продолжают развитие темы смерти, звучащей в «Статейном списке 1652 года» («Повести о преставлении патриарха Иосифа») и послании князю Никите Ивановичу Одоевскому 1653 года. Несмотря на то что оба сочинения созданы в традиции «повестей о преставлении», между ними есть различие, проявляющееся в том, как автор оценивает событие и героя и какими художественными приемами выражает свое к ним отношение.

«Повесть о преставлении патриарха Иосифа» демонстрирует новую модель построения текста, в сюжетной основе которого лежит событие, традиционное для духовной книжности Древней Руси и требовавшее соблюдения канонических правил при его описании. Однако в послании Никону при реконструкции события кончины патриарха Алексей Михайлович создает текст, не вписывающийся в средневековую книжную традицию. Формально следуя канону, в содержательном плане он использует приемы, благодаря которым ожидание читателем привычного эмоционального переживания сменяется противоположным ощущением и заставляет с другой стороны посмотреть на сюжет и по-иному оценить как само событие, так и его героя.

В «Повести...» Алексей Михайлович проявляет свой писательский талант с не меньшей яркостью, чем способности редактора в «Сказании об успении Богородицы». В этой ситуации показательно, как творчество царя Алексея Михайловича отражает в целом динамику мировоззренческих процессов в переходный период русской литературы. Оставаясь приверженцем правил средневековой поэтики, Алексей Михайлович подробно описывает действия, нарушающие установленные «урядство» и «чин». В результате текст «Статейного списка 1652 года» («Повести о преставлении патриарха Иосифа») приобретает совершенно иное звучание: традиционный с точки зрения жанра, в содержательном плане памятник намечает новые перспективы и тенденции развития русской прозы, открытие которых произойдет в переходный период.

В традиции жанра «повести о преставлении» создан и другой памятник – это послание князю Никите Ивановичу Одоевскому 1653 года, в котором царь подробно рассказывает об обстоятельствах смерти Федора Одоевского, сына князя. Послание может быть определено как противоположное по манере повествования «Статейному списку 1652 года», что позволяет рассмотреть еще один вариант сюжета успения/смерти в творчестве Алексея Михайловича.

Послание в сравнении со «Статейным списком 1652 года» демонстрирует уже традиционный вариант текста, содержащий описание этикетного события. В Послании князю Одоевскому изображена схожая со «Статейным списком 1652 года» ситуация – внезапная смерть героя. Однако восприятие и оценка автором послания случившегося события абсолютно иные. В выражении своих чувств, вызванных переживанием смерти сына князя Одоевского, Алексей Михайлович искренен. Общая стилистика послания такова, что царь предстает перед читателем как человек сострадательный, умеющий найти слова утешения. Алексей Михайлович, высказывая свое расположение и дружеское отношение к князю Федору, его уход из жизни изображает согласно средневековому этикету как смерть истинного христианина. Нельзя не заметить, что описание смерти князя Федора Одоевского абсолютно противоположно варианту, представленному в «Повести о преставлении патриарха Иосифа». Вариативность сюжета здесь

основывается на принципе полярности: «смерть праведника – смерть грешника». Федор Одоевский уходит из жизни тихо и «чинно», подтверждая тем самым свою душевную чистоту.

Алексей Михайлович как автор использует традиционный книжный прием – приводит в качестве доказательств своей правоты примеры, взятые из авторитетных источников. Таковыми в послании явились процитированные фрагменты из книги Иова, сочинений Иоанна Златоуста, агиографических произведений (житие Варлаама Хутынского). Приводимые из них примеры смерти героев являются своего рода обрамлением изображения скоропостижной кончины князя Федора Одоевского, доказывают правильность суждения царя о благочинной его смерти.

Таким образом, личное послание царя Алексея Михайловича, с одной стороны, демонстрирует традиционное христианское мышление автора, с другой – являет собой пример текста, обладающего признаками художественной парадигмы Нового времени. Это лиризм и личностное, субъективное отношение к изображаемым событиям. В конечном итоге можно сказать, что наличие этих двух начал позволяет проследить изменение и переходность авторского мышления, стремящегося уже выйти за рамки средневековой модели мировосприятия.

Эпистолярное творчество царя Алексея Михайловича, представляющее переходный период в истории русской литературы, является предметом анализа и в последующем параграфе первой главы диссертации **1.4. «Притча о блудном сыне и ее интерпретация в эпистолярной традиции переходного времени: традиция и новизна (Послания царя Алексея Михайловича)»**. Популярность притчи в переходный период русской культуры объясняется не только литературными обстоятельствами, но и общекультурными изменениями, поколебавшими средневековые представления о человеке и пределах его свободного волеизъявления. XVII век открыл человеческую индивидуальность, породил новый тип героя – авантюриста, преследующего свои личные цели, выходящие за пределы традиционных семейно-родовых представлений.

С этой позиции ряд посланий царя Алексея Михайловича демонстрирует авторское отношение к проблеме рассмотрения человеческой судьбы в современную для него эпоху. Так, например, в царских посланиях нередки случаи, когда Алексей Михайлович на одном конкретном примере совершения адресатом ошибочного поступка, ставшего причиной написания послания, показывает вневременной характер человеческого блуждания во мраке страстей, призывая к покаянию, которое дарует радость обретения истины, необдуманно отвергнутой. С точки зрения Алексея Михайловича как автора посланий, не так страшно падение, как отказ от возможности принести покаяние в совершенном грехе.

Сочинения царя Алексея Михайловича содержат авторскую интерпретацию известного евангельского сюжета и мотива. Такими образцами являются послания, адресованные в Савво-Сторожевский монастырь. Событие, произошедшее в монастыре, в своем бытовом воплощении несет архетипичные элементы сюжета притчи о блудном сыне. Поступок казначея Никиты Алексей Михайлович описывает и комментирует как пример падения человека, его заблуждения, греховного скитания и пребывания в мире страстей. Казначей Никита, совершив преступное деяние (расстратил казну монастыря и предался разгулу), отпал от дома своего духовного отца. Завершилась ли история казначея Никиты его раскаянием и возвращением в лоно монастыря, им отвергнутого, неизвестно. Но сами послания содержат аллюзии на событийный ряд евангельского аполога. Несмотря на то что прямых, явных текстовых параллелей

между посланиями царя в Савво-Сторожевский монастырь и притчей о блудном сыне нет, оценка автором поступка, совершенного казначеем Никитою, находится в системе аксиологии, сформированной евангельским текстом.

Другим примером послания, которое в большей мере можно назвать коррелятом притчи о блудном сыне, является письмо к дворянину А. Л. Ордину-Нащокину, написанное 14 марта 1660 года. Причиной написания послания стало бегство в 1659 году Воина, сына думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, в Польшу во время Русско-польской войны.

Дружеское послание А. Л. Ордину-Нащокину по своей жанровой разновидности являющееся утешительным, в построении сюжета не следует традиционной притчевой схеме. Основой его послужило Слово Василия Великого «О благодарении», к цитированию которого царь активно прибегает по мере развития сюжета послания.

Рассмотрение послания в контексте притчевой традиции о блудном сыне позволяет выявить отличительные приемы, используемые автором при изображении и оценке события, имеющего аналогию в евангельском первоисточнике. Как известно, ключевой темой притчи является тема радости, показанной в финальном эпизоде встречи отца и сына. В своей же истории о блудном сыне Алексей Михайлович смещает акцент на первый эпизод известного евангельского сюжета, усиливая тему скорби родителей от потери единственного сына. Царь, утешая отца в горе, постигшем его, уверен в том, что сын, поскитавшись по свету, обязательно возвратится в родной дом. Таким образом, начальный и финальный эпизоды одной сюжетной схемы «блудного сына», представленные в разных текстах, несут единую картину переживаемых героем эмоций. Становится возможным увидеть развитие и изменение эмоционального мира героя от переживания горя до обретения радости от встречи с сыном в будущем.

На библейских аллюзиях и символах построено и ответное послание царя, адресованное Воину. Царь принимает покаяние блудного сына и готов забыть его поступок, совершенный необдуманно, но принесший отцу страдания. Послание Алексея Михайловича метафорично. Ключевым символом становится образ дерева и ветви, отломанной от него. Алексей Михайлович в эпистолярной ситуации с Воином Нащокиным и его отцом выходит за границы известной для древнерусской традиции дискурсивной практики – выражения отрицательного отношения к совершенному поступку, который не мог быть оправдан. В ситуации с Воином видим совершенно другой вариант, нехарактерный для традиции. Алексей Михайлович своими действиями сам вписывается в евангельский сюжет в образе всепрощающего отца, принимающего раскаяние блудного сына.

Таким образом, рассмотренные послания Алексея Михайловича несут в себе определенного рода «память жанра» и настраивают адресата на ситуацию эстетического переживания. Однако это не значит, что первоначальный вариант текста (евангельская притча) не мог быть подвергнут изменению в авторской переработке. Примеры рассмотренных эпистолярных сочинений с присутствующим в них мотивом блудного сына наглядно показывают в литературе переходного времени процесс трансформации сюжетного образца, что, в свою очередь, привело к порождению в последующие периоды развития русской литературы новых «речевых высказываний» со знакомым сюжетом и мотивом блудного сына.

Эволюция средневековой художественной картины мира хорошо прослеживается на примере «Повести о Горе-Злочастии» и повестей Петровского времени, ставших предметом анализа в двух последующих параграфах первой главы: **1.5. «От текста Средневековья – к тексту Нового времени: динамика**

художественной картины мира в русской повести переходного периода (вторая половина XVII века – 30-е годы XVIII века). «Повесть о Горе-Злочастии»» и 1.6. «“Блудный сын” Петровского времени: новые аспекты в интерпретации евангельского мотива в русской беллетристике первой трети XVIII века (“Гистория о Василии Кориотском...”, “Гистория о храбром российском кавалере Александре...”»).

Вывод, который был сделан на основе анализа повествовательной традиции рубежа XVII–XVIII веков, сводится к следующему заключению. Переходные тенденции русской литературы второй половины XVII века, связанные с секуляризацией мировоззрения автора, получили свое дальнейшее развитие в беллетристике петровского времени, одновременно подводящей итог средневековой повествовательной традиции и открывающей новую страницу в истории русской литературы. Свидетельством переходности является динамика жанровой системы, появление и утверждение новых представлений о литературном творчестве, новых способов выражения авторского взгляда на традиционные общечеловеческие вопросы, что сделало возможным появление интерпретаций традиционных повествовательных мотивов. Показательным примером того, как в меняющихся историко-литературных условиях происходит формирование новой художественной картины мира, модели героя, может быть прочтение автором первой трети XVIII века евангельского текста, на основе которого создается новое произведение.

Первая глава диссертации заканчивается **общими выводами**. Они сводятся к следующим заключениям:

- произведения демонстрируют два разных типа словесного творчества переходного времени. Одни принадлежат «придворной» литературе и культуре (сочинения, имеющие непосредственное отношение к литературной деятельности царя Алексея Михайловича), другие представляют беллетристическую традицию «демократической» анонимной литературы рубежа XVII–XVIII веков;

- процессы, происходившие в литературе переходного периода, не были только фактом внешнего влияния, заимствования их из инонациональных культур. Масштабы динамики жанровых форм, сюжетопостроения, мотивного комплекса охватили не только беллетристику, но и произведения церковно-обрядового характера, каким и явилось в данном случае «Сказание об успении Богородицы»;

- «Сказание об успении Богородицы», ориентированное на богослужебную практику и призванное в своем изложении события евангельской истории следовать канону, в то же время отразило видение и понимание редактора, каким должен быть новый вариант текста «Сказания...». На фоне традиционных для средневековой эпохи признаков были отмечены и новые особенности поэтики обрядового текста. Таковыми стали элементы драматизации изображения, использования приемов динамики в изображении событий, усиления риторического, декларативного начал, описания жестов действующих лиц, с помощью которых раскрывается внутреннее состояние, эмоции и переживания персонажей. В совокупности все эти признаки являются провозвестниками барочной традиции в русской книжной культуре второй половины XVII века;

- признаки нового типа текста были отмечены и в другом памятнике – «Повести о преставлении патриарха Иосифа», непосредственно уже принадлежащем Алексею Михайловичу и демонстрирующем новые авторские приемы при изображении события смерти в бытовой плоскости. Написанная в одно время (начало 50-х годов XVII века) со «Сказанием об успении Богородицы» «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» проявляет те же признаки барочной культуры в изображении основного события – описании смерти главного героя:

динамизм, экспрессия жестов, драматизм поведения героя в кульминационные для него моменты и др.;

– к признакам, определяющим поэтику переходного текста, может быть отнесена и новая концепция времени и человека, утверждающая приоритет земного существования человека. Проявление этого признака видим и в «Статейном списке 1652 года» («Повести о преставлении патриарха Иосифа»), в натуралистичном описании агонии героя, его предсмертных мук, снижающих образ идеального пастыря;

– на примере других произведений, принадлежащих «демократической» литературе переходного периода, прослеживается дальнейшая эволюция художественных приемов, благодаря которым известный евангельский сюжет обретает вариативность в русской повествовательной традиции конца XVII – начала XVIII века;

– повести начала XVIII века (Петровской эпохи), продолжающие традицию повестей конца XVII века, в русской литературе демонстрируют еще один признак, определяющий поэтику произведений «переходной эпохи», – это энциклопедичность сюжета, тяготение к построению более сложных сюжетных схем. Примером тому являются две повести («Гистория о российском матросе Василии Кориотском» и «Гистория о храбром российском кавалере Александре...»), в основе сюжета которых лежит схема архетипичного сюжета о блудном сыне, но значительно усложненная параллельными нарративными линиями, придающими повествованию светский и развлекательный характер.

Во второй главе диссертации «Событие и герой в книжной традиции переходного периода» для исследования заявленной проблемы привлекаются тексты, также имеющие разножанровую природу. Одна группа произведений принадлежит эпистолярной традиции – это послания царя Алексея Михайловича. Другая, ставшая обрамлением царских писем, – в большей степени содержит памятники документальной письменности, но с присутствующими в них литературными элементами и приемами. Однако, несмотря на их жанровую неоднородность, все они имеют то общее, что позволяет рассматривать их в одном тематическом пространстве и характеризовать как тексты переходной эпохи с присущими им признаками. Одним из таких признаков стал авторский взгляд на изображение события и его героя в книжном памятнике.

В параграфе 2.1. «Восприятие времени и его изображение в документальной книжности второй половины XVII века. («Дневальные записки приказа Тайных дел»)) впервые как литературный памятник рассматривается образец документальной книжности – «Дневальные записки приказа Тайных дел». «Дневальные записки...» дают возможность увидеть динамику восприятия и фиксации времени в книжной культуре Древней Руси, проследить эволюцию отношения человека ко времени от «Повести временных лет» (XII век) к документальным запискам протокольного характера приказа Тайных дел, которые являются промежуточным звеном на пути жанрообразования в литературе переходного периода – дневниковых записок, записок исторического характера.

На примере «Дневальных записок приказа Тайных дел» видна совершенно иная картина восприятия времени русским человеком во второй половине XVII века. При внешнем подобии летописной форме «Дневальные записки...» показывают новое ощущение времени: на смену вселенскому, сакральному пришло земное, историческое, связанное с событием одного дня. Можно сказать, что «Дневальные записки...», в которых нет сакрального восприятия и понимания времени ни в линейной, ни в циклической плоскостях, демонстрируют уже «псевдолетописное время». Подтверждением является тот факт, что

присутствующее в «Дневальных записках...» упоминание о церковных годовых праздниках не имеет в описании составителя документа, характерного для Средневековья ощущения неизменности и постоянства событий истории, которая является промыслом Божиим.

Поэтика названия «Дневальных записок...» позволяет увидеть абсолютно иной масштаб времени – одного дня из жизни царя. В этом случае и жанровая форма должна была соответствовать масштабу изображаемого события. Крупная, монументальная форма летописи или хронографа здесь неприемлема. Выбирается жанр, близкий к форме дневника. Для документальных памятников характерно общее стремление фиксировать бытовые события одного дня, что свидетельствует об общем восприятии времени, секуляризованном по своей природе.

При отсутствии в таком памятнике каких-либо ярких сюжетных эпизодов, которые могли бы позволить говорить о произведении как о литературном явлении, он дает возможность почувствовать новое восприятие времени, определяющее жизнь отдельно взятого человека. «Дневальные записки...» – мозаичное полотно, составленное из отдельных фрагментов, в своей совокупности воспроизводящих жизнь человека в ее повседневных событиях. В их описании нет художественного начала, но само внимание к ним со стороны составителей указывает на меняющееся отношение автора не только к событиям исторического плана, но и к частной жизни человека. Документальный текст, каковым являются «Дневальные записки...», иллюстрирует процесс секуляризации сознания автора второй половины XVII века. И в этом случае «Дневальные записки приказа Тайных дел» органичны для литературного процесса переходного периода русской литературы.

В параграфе 2.2. «Историческое событие и его интерпретация в эпистолярной традиции переходного времени. (Послания царя Алексея Михайловича)» анализируется динамика восприятия и изображения события в текстах, принадлежащих перу знаковых фигур эпохи, выявлены признаки нового понимания ими природы события. Одной из таких ярких личностей, своей волей определявших ход истории во второй половине XVII века, является царь Алексей Михайлович, писательская индивидуальность которого иллюстрирует переходные процессы в русской литературе.

Фактическим материалом, который послужил основой второго параграфа, стали послания царя, написанные им в период Русско-польской войны (1654–1667 гг.). Значительный корпус личной корреспонденции царя периода войны с Польшей, адресованной семье и ближайшим к нему лицам, показывает образ человека, находящегося в кругу забот, понятных каждому, рассказывающему об исторических событиях как повседневных. В подобных случаях нетрудно заметить новое отношение к событию, которое уже не характерно для Средневековья. Автор оценивает упоминаемое им в посланиях событие с позиции рядового человека. Можно сказать, что история в этом случае теряет свою сакральную природу и обретает земное, будничное начало. И именно из таких повседневных забот и складывается пестрая мозаика исторических событий, важность и масштабность которых в судьбе государства прекрасно осознается автором.

Послания царя, написанные им в период Польского похода, дают возможность проследить процесс формирования в переходный период русской культуры нового восприятия и понимания истории. Историчность была одной из основных особенностей литературы средневекового типа и в первую очередь жанра летописи. Летопись сформировала особое мировоззрение человека Древней Руси, отличительной чертой которого была эсхатологичность, позволявшая

летописцу проводить параллели между событиями русской и Священной истории, зафиксированными в библейских книгах, апокрифических сочинениях.

Вторая половина XVII века породила совершенно иное понимание истории, определяемое личным восприятием отдельного человека. События одного дня становятся значимыми для автора, поскольку с ними связаны определенного рода переживания и эмоции, раскрывающие внутренний мир адресата. И эти частные события, запечатленные в дружеских посланиях, образуют летопись жизни отдельного человека.

В параграфе 2.3. «“Поэтизация” мира души человека в эпистолярной традиции переходного времени. Литературная традиция и авторская индивидуальность» выявляются новые особенности изображения героя, его внутреннего мира в эпистолярных сочинениях Алексея Михайловича. **Раздел 2.3.1. «От героя исторического масштаба – к герою повседневности. (Послания царя в Савво-Сторожевский монастырь)»** основан на комплексном изучении посланий Алексея Михайловича, на примере которых возможно рассмотреть процесс трансформации средневековых принципов изображения человека и выработки авторских приемов, раскрывающих индивидуальный характер исторического персонажа, выходящего за рамки этикетных жанровых формул и устойчивых моделей своего поведения.

Прекрасное знание книжных канонов позволяло царю применять их в своей писательской практике, тем самым демонстрируя начитанность и приверженность книжно-славянской традиции в создании образов персонажей посланий. Алексей Михайлович в определенных сюжетных ситуациях своих посланий использует риторические приемы, которые должны быть введены в текст послания согласно требованиям канона. Именно по этой причине в посланиях Алексей Михайлович прибегает к цитированию текстов Священного Писания как одному из приемов аргументации и доказательства своей мысли. Цитата в то же время играет роль некоего фона, на котором ярко высвечивается образ героя послания. Поступки героя автор соотносит с приводимой цитатой, что позволяет ему дать определенную оценку герою послания.

Эпистолярное наследие Алексея Михайловича содержит ряд посланий, которые отличаются стилистически, но объединены образом одного героя, изображенного в разных текстовых вариантах в зависимости от соответствующих стилевых ракурсов. В качестве примера можно назвать грамоты царя, написанные им собственноручно, героем которых является монах Никита, казначей Савво-Сторожевского монастыря.

Эти послания, адресованные архимандриту Гермогену и келарю Вельямину Горсткину, с одной стороны, демонстрируют искусство риторики, а с другой – показывают один из образов героев, представленных в эпистолярном творчестве царя, – грешника. В этой ситуации представляется целесообразным рассмотреть, насколько Алексей Михайлович вписывается в традицию изображения отрицательного персонажа в эпистолярном жанре, а в каких моментах проявляет авторскую индивидуальность в создании ярких образов персонажей посланий, разрабатывает собственные авторские приемы создания образа героя-грешника, антагонистического по характеру и поступкам праведнику. Рассмотренные послания позволили дать точный ответ на поставленный вопрос: какие были задействованы механизмы в изображении персонажа в книжном произведении в переходный период русской словесности? Исчерпала ли себя старая средневековая традиция изображения персонажа в литературном произведении к середине XVII века или же продолжала еще определять процесс создания образа героя? Именно поэтому послания царя Алексея Михайловича, написанные им самостоятельно, вызывают интерес как произведения переходной эпохи.

Послания царя, с одной стороны, демонстрируют традиционность авторского мышления, проявляющуюся в использовании цитат, которые одновременно дают характеристику герою-отступнику и выражают точку зрения монарха, его взгляды на ряд вопросов, в том числе на понимание государственного мироустройства, взаимоотношения правителя и его подданных. Многие выражения в послании царя имеют прямой источник в библейской или святоотеческой книжности. На основе этого наблюдения был сделан вывод, что царь выражает свою мысль известными словесными формулами, что продолжает типичную для средневековья традицию составления правильного послания.

Все апелляции царя к Священным текстам и использование их в послании призваны убедить адресата в ошибочности его поступков, опровергнуть несостоятельность заявлений Никиты и окончательно уничтожить его словом как врага, посягнувшего своими безрассудными действиями на незыблемость христианских заветов, в числе которых – покорность и верность подданного царской власти.

В то же время Алексей Михайлович, адресуя свое послание казначею Никите, на самом деле рассчитывает на широкую аудиторию. И эта особенность также является соблюдением эпистолярной традиции. Царь требует, чтобы его послание было оглашено принародно в соборе. Подобная установка на публичность послания – это дань традиции, которую сохраняет Алексей Михайлович.

Доказательством того, что поступок казначея Никиты сильно возмутил царя и заставил его взять перо и изложить свое мнение о значении Савво-Сторожевского монастыря, является другое его послание, адресованное уже всей монастырской братии. Новая грамота царя, как и предшествующее ей послание Никите, носит ярко выраженный официальный характер. В перечислении просьб, обращенных к духовным лицам, царь постепенно подводит адресата к основной теме своего послания – необходимости соблюдать монастырский устав и охранять монастырь от посягательств как внешних, так и внутренних врагов. И поступок казначея Никиты служит примером вероотступничества и грехопадения, на которое способен и монах. В этом фрагменте послания царь отходит от книжно-славянских риторических формул и позволяет себе высказать субъективное мнение в адрес казначея Никиты, меняет стилистику послания, переходя на разговорную речь. Было отмечено, что Алексей Михайлович в своем послании искусно делает переход от одной стилистической манеры к другой. В результате создается ситуация диалога, основанного на смене стиля.

Наиболее экспрессивно разговорная стихия языка в оценке поступка Никиты и монастырской братии проявила себя в другой грамоте Алексея Михайловича, где он позволил себе отступить от эпистолярного канона и в эмоциональной манере изложения описать сцену из монастырской жизни, полной динамизма. Оценив в разговорной форме поведение Никиты и показав его двуличие, царь в этом же фрагменте вводит новую тему. Завершающим аккордом послания станет тема послушания как основной добродетели не только монаха, но и любого христианина. Царь в этой части послания в качестве иллюстрации и доказательства своей мысли полностью цитирует стих из 14 главы «О послушании» Скитского патерика, тем самым придавая своему посланию религиозно-философский смысл.

Таким образом, рассмотренные послания царя Алексея Михайловича позволяют констатировать абсолютное владение им мастерством составления «правильного» послания, следование книжно-славянской традиции эпистолярного жанра, ориентацию на литературные образцы. Соответственно изображение героя этих посланий зависит от характера совершенных им поступков. Алексей

Михайлович как автор официальных посланий середины XVII века проявил себя в большей степени традиционалистом и приверженцем древнерусских правил письма, когда необходимо было выразить позицию государя. В посланиях же, носивших частный характер, автор позволял себе более свободное выражение своего мнения, не скованного словесными формулами. В этом случае образ героя «оживал», лишался привычной для средневековой книжной традиции религиозной абстрактности.

Раздел 2.3.2. «*“Новый герой” в эпистолярном наследии царя Алексея Михайловича*» второй главы посвящен рассмотрению новых приемов создания образа героя эпистолярного жанра, активно использовавшихся в писательской практике Алексея Михайловича.

Отмечено, что в посланиях, отредактированных или написанных самим царем, присутствуют совершенно новые риторические приемы, «оживляющие» эпистолярную традицию и передающие уже индивидуальный стиль письма автора. В результате и образы персонажей (адресатов этих посланий) становятся «очеловеченными», со своими индивидуальными характеристиками. На общем фоне эпистолярного чина подобные примеры текстовых фрагментов предстают уже как явления новой литературной техники в переходный период. Под пером Алексея Михайловича образы героев в его посланиях становятся зримыми, выпуклыми, выходящими за рамки средневековой этикетности.

Подобные примеры позволяют наблюдать начало постепенного формирования новой концепции личности в русской литературе переходного периода еще задолго до появления представителей русского барокко, с именами которых традиционно связывают коренное изменение всей литературной системы во второй половине XVII – начале XVIII века. Алексей Михайлович отстает от средневековых правил в оценке действий адресата послания и определяет его сущность не через религиозно-этические категории, а на основе наблюдений, позволяющих сделать выводы о природе человеческой личности по его поступкам.

Новизна изображения героев эпистолярных сочинений Алексея Михайловича определяется тем, что они выходят в своих поступках за границы привычного «чинного» и «установленного» поведения человека, что не может не вызвать эмоциональной реакции царя, поскольку подобные действия «ябедников, обывших людишек» ведут к нарушению установленного свыше порядка и гармонии. В результате эмоциональной реакции царя на поступки своих «холопей», «государевых и родословных людей» возникает галерея образов (сравнимых с «парсунами», если использовать лексику исторической эпохи) героев эпистолярных произведений, каждый из которых, несмотря на то что принадлежит определенному типу (праведник или грешник), обладает своими особыми индивидуальными чертами.

В ряду эпистолярных образов находятся исторические лица, которые могут быть названы героями переходного времени в силу неоднозначного отношения к ним самого царя Алексея Михайловича. Персонажи обладают чертами характера, порожденного особым временем – динамичным и быстро меняющимся, предъявляющим такие же требования и к самому человеку. В результате герои эпистолярных сочинений царя Алексея Михайловича предстают как иллюстрации оттенков человеческого характера, порожденного «бунташным веком».

Параграф 2.4. «*Элементы беллетризации в документальном тексте переходного периода развития русской литературы (Григорий Котошихин “О России в царствование Алексея Михайловича”)*» впервые представляет подробный анализ содержания и стилистики сочинения, написанного беглым подьячим Посольского приказа Григорием Карповичем Котошихиным.

Сочинение Котошихина органично вписывается в литературный контекст эпохи, несмотря на исключительную на первый взгляд документальность книжного памятника. По своей природе оно близко стоит к статейным спискам XVII века. Именно поэтому сочинение Котошихина, как и многие другие сочинения, относящиеся к разряду дипломатических, с одной стороны, имеет утилитарную природу документа, излагает основные сведения, которые будут полезны заинтересованным лицам. С другой стороны, нельзя не заметить творческие способности автора-составителя документа, которые, безусловно, проявляли себя в процессе работы над текстом. В первую очередь здесь необходимо обратить внимание на такую сторону сочинительства, как авторское мировоззрение, воплощающееся в сочинениях любого рода (будь то литературное или документальное).

Литература переходного периода наглядно демонстрирует одну из отличительных ее особенностей – проявление в книжных памятниках эпохи секуляризованного мировоззрения автора. Прежде всего, сочинение Котошихина связано с абсолютно новым типом писателя, работающего на заказ и получающего за это вознаграждение. Как известно, этот тип писателя уже в Петровскую эпоху станет распространенным и будет активно поддерживаться самой государственной властью – основным заказчиком литературных сочинений. Одним из родоначальников этого типа писательства на Руси был именно Посольский приказ, из которого вышел и сам Григорий Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича» – это ангажированное произведение, актуализирующее в русской литературе новый тип писателя-западника, сторонника европейских взглядов.

Кроме того, увидеть проявление авторского начала в документальном тексте возможно, если посмотреть на него с позиции того, какие приемы типизации используются. Автор, составляя документ, не вправе привносить в него то, что не имеет отношения к реальности или является плодом его личного творчества. Но он может из обилия фактов отбирать те, которые отражают его субъективный взгляд на событие, совпадают с его личными интересами. В итоге через факты, вводимые в документ, их расположение, становится возможным понять и позицию самого писателя-документалиста.

В связи с этим возникает вопрос: как проявляется авторское начало в сочинении Григория Котошихина? Прежде всего, обращает на себя внимание общая композиция произведения, расположение в нем глав, позволяющее последовательно ознакомиться с иерархическим социальным устройством русского общества второй половины XVII века и с теми законами, устоями, обычаями, традициями, на которых оно основано. Композиция произведения, помимо того что дает возможность охватить мир русской жизни в целом, несет на себе отпечаток барочной культуры, что говорит и об эстетических взглядах самого автора-составителя.

Свидетельством литературного начала в документальном тексте также могут быть и эмоциональная авторская выразительность, проявляющая себя в оценке описываемых исторических фактов, и привносимые в текст элементы беллетризации повествования, благодаря которым официально-деловой язык документа обретает эмоциональную окрашенность и публицистическое звучание. Такого рода фрагменты представлены уже в самом начале первой главы, в которую автор вводит рассказ о времени правления Ивана Грозного (Гордого) – первого венчанного на Руси царя.

Котошихин, рассказывая о событиях прошлого, прибегает к использованию устойчивых литературных «формул», хорошо известных ему. Одной из таких формул являются приемы агеографической традиции, ярко проявляющие себя в

описании Федора Ивановича, царя-праведника, поступки которого сопоставимы с поведением святого в житии. «Литературен» и образ Бориса Годунова, выступающего в роли героя-антагониста. Следуя агиографическому канону, Котошихин при создании образа героя вписывает его в известную ему книжную традицию. Все поступки, которые совершает Годунов, мотивированы его корыстными планами, продиктованными дьяволом.

Субъективизм по отношению к тому, о чем пишет Котошихин, проявляется и в других фрагментах его труда. В ряде случаев он не использует точные исторические факты, которые необходимо было бы включить в сочинение, призванное создать для иностранца целостное представление о Московской Руси, а доверяется слухам, противоречащим реальному положению дел. Так, уже в первой главе Котошихин, рассказывая о семье царя Михаила Федоровича, дает ошибочные сведения о наличии у него двух сыновей: Алексея и Дмитрия.

Отмеченные ранее документально не подтверждаемые факты, вошедшие в сочинение Котошихина, с историко-литературной точки зрения демонстрируют если не проявление художественного вымысла, то активную позицию автора, не ограничивающего себя в использовании источников в процессе работы над текстом. Именно по этой причине рассматриваемый книжно-документальный текст представляет позицию его создателя, его отношение к выбранному объекту повествования, показывает личное восприятие, понимание и объяснение явлений и процессов, происходивших в русском обществе второй половины XVII века.

Таким образом, отмеченные в сочинении Григория Котошихина приемы имеют литературное происхождение, что подчеркивает книжную образованность самого автора. А в масштабах историко-литературного процесса переходного периода подтверждают общую тенденцию развития деловой письменности во второй половине XVII века, для которой было характерно обращение к традиции литературных жанров, приводившее к взаимопроникновению и взаимодействию в рамках одного произведения двух традиций, к разрушению границ между литературными жанрами и деловой письменностью.

Одновременно выявленные литературные особенности книжного памятника позволяют сделать вывод о том, что в русской литературе второй половины XVII века идет активный процесс формирования новой художественной парадигмы. Автор, преследуя сугубо практическую задачу, использует при этом хорошо известные ему книжные приемы, как закрепленные предшествующей традицией, так и присущие современной ему литературной эпохе. Подобная трансформация в итоге привела к появлению светского типа писателя, лишённого религиозного взгляда на человека и окружающий его мир.

Завершается вторая глава **выводами**, которые обобщают наблюдения, сделанные в процессе исследования проблемы.

Два крупных документальных текста («Дневальные записки приказа Тайных дел» и сочинение Григория Котошихина) показали изменение восприятия времени русским человеком во второй половине XVII века. Общий процесс секуляризации русской культуры привел к трансформации категории времени в литературном творчестве. В отличие от летописного времени, в памятниках переходной эпохи, имеющих документальную природу, время подчинено воле человека и исчисляется событиями, имеющими уже будничным, повседневный характер. Время, фиксируемое в «Дневальных записках приказа Тайных дел», дискретно. В нем отсутствует религиозно-символическое, сакральное начало, основанное на эсхатологическом мироощущении средневекового человека. Оно напрямую связано с событиями из частной жизни человека. В итоге литературное значение документального текста заключается в том, что в нем зафиксировано открытие, имеющее ценность для литературы в ее историческом развитии, – это

акцентирование внимания автора на событии одного дня из жизни человека. Смещение акцента с события монументального на событие частное породило интерес автора переходной эпохи к текстам, имеющим дневниковую форму, а также к жанрам, природа которых уже изначально предполагала «поэтизацию» события частной жизни. Таким жанром, занявшим значительное место в творчестве царя Алексея Михайловича стал жанр послания.

Введенные в научный оборот эпистолярные сочинения Алексея Михайловича демонстрируют новые художественные особенности, проявившие себя в литературном процессе второй половины XVII века. К таким особенностям можно отнести раскрепощение авторского сознания при изображении события, проживание его как факта личной биографии. Одновременно в эпистолярных сочинениях авторская позиция Алексея Михайловича проявила себя во всем многообразии: он предстает и как приверженец средневековых книжных традиций, и как новатор, смело нарушающий жанровые каноны, позволяющий себе свободное использование книжных приемов в рамках одного текста и выражение собственного мнения по отношению к герою и событию. Подобная авторская особенность, свойственная Алексею Михайловичу как писателю, в целом может быть спроецирована и на весь переходный период русской литературы, характеризующийся литературной пестротой, подвижностью и динамичностью, поиском новых литературных форм и приемов. Можно констатировать, что динамичность процессов, происходивших в переходную эпоху русской литературы, напрямую зависела от меняющегося понимания времени, фиксируемого не только крупными историческими событиями, но и эпизодами, важными с точки зрения отдельно взятой личности, о чем свидетельствует переписка царя со своим близким окружением.

Тенденции, которые были отмечены в эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича, проявили себя и в произведениях, принадлежащих писателям демократического ряда. И таковым был выбран из ряда имеющихся Григорий Котошихин, автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича», призванного показать европейскому читателю цельный образ русского государства. Документальный по своей природе памятник, с одной стороны, унаследовал от литературной традиции Древней Руси (жанра летописи) саму идею – стремление к монументальности и панорамности в осмыслении исторической эпохи, а с другой – в нем актуализировались черты литературной эпохи барокко, современной автору, – энциклопедизм, обобщение в одном произведении сведений, из которых и складывается мозаичное полотно Русского государства середины XVII века.

Однако даже в этом памятнике, имеющем документальную форму, автор в процессе своей работы активно использует ряд известных ему книжных приемов, благодаря которым сочинение приобретает и историко-литературное значение. Памятник, как и «Дневальные записки приказа Тайных дел», показывает, как пробуждается личностное сознание в этот период, как зарождается ощущение исторического процесса и формируется новая светская литература на основе объединения элементов средневековой поэтики и новой эстетики в одном тексте.

Третья глава диссертации «Документальные жанровые формы в литературе переходного времени: театрализация повседневности» строится на исследовании особого жанра в истории древнерусской словесности – «чиновников», в которых содержится подробное описание церемониальных событий, получающих вербальное и драматическое воплощение. В **параграфе 3.1. «Понятие “чина” в культуре и литературе Древней Руси»** рассматривается история понимания в культуре Древней Руси категории «чина» как гармонично

устроенного миропорядка, описание которого представлено в особой жанровой форме – «чиновнике».

«Чиновники» представляли собой вид ритуальных текстов придворной литературы, которые регламентировали церемониальную практику и являли собой развернутые сценарии торжеств. Но именно эта жанровая единица, появляющаяся в огромном количестве и относящаяся к документальной книжности, дает возможность увидеть стремление автора XVII столетия зафиксировать представление о красоте в книжном тексте, придать ей приличествующие формы. В «чиновниках» сохранилось христианское понимание порядка («чина») и красоты, которое должно быть воссоздано с помощью ритуала или обряда.

История формирования данной жанровой формы, ее природа (текст-ритуал), объединяющая в себе ритуальное и словесное начала, существующие в науке подходы к изучению этого корпуса древнерусской книжности – эти вопросы подробно рассмотрены в параграфе **3.2. «“Чиновник” как книжный жанр Древней Руси – “текст-ритуал”»**. Детальный анализ жанровой природы «чиновников», их разновидностей (светские и церковные), существование нескольких редакций одного чина позволяют сделать вывод о том, что данный образец книжной культуры Древней Руси занимал не последнее место в ее жанровой системе. В конечном итоге двойственная природа церемониального жанра чина, существующего между литературой и документом, не могла не привести к появлению и дальнейшему развитию в переходный период русской культуры драматургии и театра.

В параграфе 3.3. «Церемониальный текст второй половины XVII века как явление книжной культуры переходного времени (семиотический аспект)» продолжено исследование «чиновников» как жанровой единицы древнерусской книжности с позиции культурно-семиотического подхода, нового для этого жанра. На основе культурно-семиотического метода (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) удалось показать, что книжно-документальные тексты, к числу которых относятся и «чиновники», не только фиксируют историческое событие, но и способны выразить эмоциональное отношение к нему книжника. В результате в документальном по своей природе тексте возникает определенная реакция на событие, его интерпретация, выражаемая посредством слова. Применительно к литературному процессу следствием подобной ситуации, как известно, является проникновение в литературу документальных жанровых форм и в конечном итоге их беллетризация.

Установлено, что многие «чиновники» во 2-й половине XVII века в силу ряда обстоятельств претерпели изменения и стали в последующем театральными действиями, представляющими уже художественные по своей природе явления переходного периода русской культуры. В этой связи особого внимания заслуживает пример придворного чина, созданного при участии царя Алексея Михайловича, – «Урядник сокольничья пути» (1656 г.).

Новым в изучении этого памятника книжной культуры XVII века является описание процесса смены семиотической парадигмы, процесса «превращения события в текст»¹¹, в нарративный источник. «Урядник сокольничья пути» предстает как текст-ритуал, в котором происходит соединение в одно целое поступка и слова. Повторение участниками ритуала определенных кодифицированных действий и произнесение ими также узаконенных чином реплик имеет глубокую семиотическую природу, отражающую меняющееся

¹¹ Лотман Ю. М. Исторические закономерности и структура текста // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2004. С. 339.

авторское сознание во второй половине XVII века: по образу и подобию церковных обрядов создать и узаконить светский церемониал, который должен восприниматься как непреложный и требующий своего точного повторения в последующем.

В параграфе 3.4. «Модель идеального универсума и ее воплощение в церемониальном тексте переходного времени (“Урядник сокольничья пути”)» показано, насколько органично книжно-документальный текст, содержащий описание церемониала, вписывается в литературную традицию переходного времени и выражает мировоззрение автора, для которого главной идеей, воплощенной в церемониальных текстах – чиновниках, оставалась идея незыблемости существующего порядка вещей, пребывания мира в состоянии гармонии и порядка.

Данная идея, художественно реализованная в «чиновниках», предвосхищает те открытия русской культуры, которые произойдут в эпоху утверждения классицистического художественного метода, заимствованного из европейского искусства в первой трети XVIII века. Однако, как показывает проведенное исследование, истоки этого рационалистического по своей художественной природе метода также следует искать в национальной культурной традиции, формировавшейся в переходный период.

Параграф 3.5. «“Чиновник” в литературной традиции переходного времени» дает возможность проследить, как развивалась жанровая форма в условиях переходного времени. Причины жанровых изменений в первую очередь связаны с подвижностью того или иного обряда/ритуала, требовавшего и новой формы его вербализации. Создававшийся новый мир в изменяющихся исторических условиях должен быть явлен посредством слова, которое установит и новый «чин», новый церемониал, прочитываемый как особый семиотический текст.

Живой интерес монарха к делам внутренней и внешней политики приводил и к составлению новых или редактированию уже ранее существовавших церемониальных действий («чинов»), их подробному описанию в «чиновниках».

Редактура ряда церемониалов и составление их новых текстовых вариантов содержат проблему необходимости исследования места и роли «чиновников» не только в истории отечественной культуры, но и литературы. Критерием же определения значения жанровой формы может стать само слово, используемое в вербальной организации церемониала и фиксирующее его в книжном варианте, а также рассмотрение эволюции отдельных «чиновников» в историко-литературном процессе, их переход из разряда документальных текстов в произведения, имеющие признаки художественности. Одним из таких «чинов», который в переходный период развития русской литературы приобрел литературную «прописку», является чин свадебный.

«Чиновники» находились в подвижном состоянии и были подвержены трансформациям, связанным с изменениями обряда или светского церемониала. Не стал исключением и чин, регламентировавший проведение царской свадьбы, который во второй половине XVII столетия дважды претерпел изменения. Это просматривается на примере двух разных редакций свадебного чина, составленных по случаю бракосочетания Алексея Михайловича в 1648 и 1671 годах. Первая свадьба царя с Марией Ильиничной Милославской (16 января 1648 года) полностью исключала все, что могло быть связано с фольклорными традициями. Причины подобного «культурного аскетизма», проявившего себя во время совершения свадебного обряда, известны. Также известно и имя «цензора», по воле которого и была проведена существенная корректировка чина царской свадьбы, более всего напоминавшего церковную службу. Этим «идеологом» стал

протопоп Стефан Вонифатьев, духовник молодого царя, глава кружка «ревнителей благочестия».

Однако спустя почти четверть века (22 января 1671 года) ситуация кардинально изменится. Второе бракосочетание царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной будет совершаться уже по совсем другому сценарию. Из церковного обряда чин свадебный 1648 года преобразуется в текст, имеющий светскую направленность. Текст, обладающий признаками театрализации, с включением в общее действие церемониала торжественных орнаментальных речей его участников, с распределением их ролей в общем чине.

Русская литература переходного времени дает возможность познакомиться с еще одним книжным произведением, в котором представлена авторская интерпретация свадебного чина, его свободное изложение и одновременно использование как композиционного приема в оформлении и построении целой книги. Таким книжным памятником является сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667 годы), в котором зафиксировано два варианта свадебного действия. Один вариант, размещенный в первой главе «О царях, о царицах, о царевичах, о царевнах», дает описание царской свадьбы, другой – в 13 главе «О житии бояр, и думных, и ближних, и иных чинов людей» – знакомит с правилами организации и проведения свадебного обряда в народной среде.

Включение автором описания свадебных традиций в начале и в финале книги позволяет оценить это как особый композиционный прием, создающий кольцевое обрамление всего повествования. Отмеченный прием выполняет вполне конкретную функцию: с его помощью становится возможным создать целостную картину устройства русского общества середины XVII века. Сопоставительный анализ начальной и финальной глав книги, содержащих описание русского свадебного чина, подчеркивает значение церемониала в жизнестроительстве представителей различных социальных слоев русского общества.

На примере свадебного обряда можно сделать вывод, который служит проекцией на все повествование: ритуализованным формам жизни русского двора Котошихин противопоставляет описание повседневного быта простого человека. В итоге основным художественным приемом, на котором строится весь текст, можно назвать антиномию, наполняющую контрастностью, зрелищностью и эмоциональностью изображение отдельных фрагментов сочинения. И описание свадебного обряда является одним из таких примеров, который позволяет читателю получить целостное восприятие жизни русского человека середины XVII века, понять русский мир во всем многообразии его национальных традиций.

Воссоздаваемый автором мир предстает в книге как с внешней, парадной стороны, так и с внутренней, вскрывая остросюжетные линии интриг, разыгрываемые до и во время проведения свадьбы. Котошихина как книжника и автора сочинения интересует именно внутреннее наполнение обряда, поскольку именно оно дает возможность показать характер человека, увидеть его истинное лицо, тщательно скрываемое за атрибутами торжественного церемониала.

Литературная, художественная ценность памятника проявляется в тех его фрагментах, где автор позволяет себе отойти от официальной темы и сделать отступления, имеющие сюжетное начало. Именно в этих случаях документальный текст, содержащий в себе описание свадебного чина, расцветчивается литературными элементами. Так, например, своеобразным прологом к детальному описанию царского свадебного чина, представленного с 11-й по 23-ю статью первой главы «Сочинения...», является рассказ о несостоявшейся в 1647 году свадьбе Алексея Михайловича с Евфимией Федоровной Всеволожской.

Известное историческое событие из жизни молодого царя интерпретировано автором в средневековой книжной традиции как вторжение дьявольских сил в жизнь праведного человека, своими действиями приводящих его к страданиям и крушению благих намерений. В небольшом по объему фрагменте, предшествующем детальному описанию свадебного чина, автору удалось показать обобщенный портрет московского двора на фоне тех козней и интриг, которые умело плетет лицемерное окружение царя, контрастно представить образ самого государя, тяжело переживающего произошедший случай.

В финальной 13-й главе сочинения Котошихина мотив обмана и подлога при сватовстве получает свое дальнейшее развитие, но теперь с его помощью представлены нравы сословий русского общества, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии. Котошихин на обширном текстовом пространстве финальной главы рисует целостную картину обмана, характеризуемого им как распространенное явление при сватовстве в том случае, когда девица имеет тот или иной физический изъян (хромота, немота, глухота и др.). В этих случаях применяются проверенные временем «технологии обмана» потенциального жениха в русском обществе: подмена убогой дочери здоровой. Последствия свадебного обмана раскрываются уже позже, после венчания, когда молодой супруг впервые видит свою избранницу в ее истинном облике, далеко от идеала женского образа.

В итоге описание свадебного чина (статьи с 11-й по 23-ю главы I «О чину, как устраивают свадебный чин») выходит за пределы жанровой традиции документа и обретает черты и признаки сочинения с литературными элементами, в котором автор рисует обобщенный образ современника с присущими ему чертами характера. «Литературность» проявляет себя как раз в тех фрагментах, которые содержат «портретные штрихи» в описании неблагоприятного образа невесты. Прием, использованный Котошихиным в своем сочинении при описании «подложных» невест, идентичен тем приемам, которые были распространены в документальной книжности, с которой Котошихин не мог не быть знаком по роду своей службы. Благодаря этим особенностям, сочинение Котошихина органично вписывается в литературный контекст своей эпохи, для которой свойственна секуляризация авторского мышления, поиск новых приемов в изображении героя и события, субъективность авторского взгляда на предмет изображения, введение в текст особых приемов, имитирующих непосредственную апелляцию автора к читателю. Словом, сочинению Котошихина присущи те художественные особенности, которые традиционно относят к литературным процессам, имеющим переходный характер.

В параграфе 3.6. «Традиция церемониальной книжности Древней Руси в литературе Нового времени» исследован механизм эволюции церемониальных текстов в условиях уже Нового времени. На примере церковного «Чина погребения мирских человек» показано, как обрядовая традиция интерпретируется в поэтической традиции XVIII века. В параграфе представлен сопоставительный анализ двух памятников: «Чина погребения мирских человек» и оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779 г.), в которой присутствуют реминисценции, отсылающие читателя к обрядово-церемониальной христианской книжности.

В процессе проведения сопоставительного анализа двух произведений были сделаны следующие выводы. Осмысливая и разрабатывая в своем творчестве тему «жизнь – смерть», Г. Р. Державин не мог не обратиться к сочинениям духовно-религиозного содержания. И такими источниками могли быть обрядовые церковные произведения, созданные в эпоху Древней Руси, сочинения поэтов-силлабиков XVII века, псалмы. Одними из источников оды могут быть названы

псалмы, входящие в «Чин погребения мирских человек». При проведении сравнительного анализа державинского стихотворения с текстом «чина» становится очевидным обращение автора к книжным образцам.

Развитие лирического сюжета оды Г. Р. Державина указывает на следование стихотворения традиции церковного текста. На интертекстуальном уровне связь эта просматривается через интерпретацию цитат 8 стихир Иоанна Дамаскина, читаемых после заупокойного канона 2-й части обряда погребения. Общая тема, звучащая в каждой стихире, – это скоротечность жизни, беспомощность и бессилие человека противостоять смерти. Однако в каждой стихире мотив утраты и страха перед смертью сопряжен с верой в Христа, который дарует вечную жизнь. Таким образом, прием антитезы, используемый Державиным, воспринят от древней псалмопевческой традиции, закрепленной в «Чине погребения мирских человек». Следование державинской оды псалмопевческой традиции становится еще более очевидным при сопоставлении стихотворных строк обоих произведений, что и было сделано в ходе изучения проблемы.

Проделанный анализ выявил присутствие в тексте Г. Р. Державина «чужого» слова, которое позволило автору обновить литературную традицию изображения темы «жизни – смерти», зыбкости границ между ними. Реминисценция в рассматриваемом произведении предстает носителем культурной памяти, служит проявлением общей установки автора на цитацию и сохранение литературных традиций.

Третья глава диссертации завершается **выводами** обобщающего характера.

«Чиновники» как образцы книжно-документального жанра Древней Руси содержали подробные описания «действ» и являли собой пример «переходных текстов», обладавших двойственной природой. С одной стороны, они преследовали сугубо практическую цель – документально зафиксировать официально утвержденный торжественный светский или церковный церемониал, показать его механизм. С другой – создать книжный текст с закрепленными формулами словесного выражения действий участников определенного церемониала и при этом соблюсти законы построения его сюжета.

Однако главное, в чем заключается значение «чиновников», – это их особая роль в формировании новой, переходной культурно-семиотической парадигмы в России XVII века. «Чиновники» как книжно-документальные тексты наглядно демонстрируют начавшийся в истории культуры Руси переход от обряда к зрелищам, театрализованным представлениям. Истоками данного процесса являлись не только западноевропейские барочные влияния, но и явления, зарождавшиеся и вызревавшие в недрах русской культуры.

Многочисленные церемониальные действия, существовавшие в форме «чинов» явились абсолютно органичными для эпохи XVII века – века динамичного, рождавшего совершенно новую модель поведения человека, нацеленного на действие. Обилие церемониальных текстов, появившихся в XVII веке, как раз и свидетельствует о желании не только придать жизни упорядоченные («чинные») торжественные формы, но и привнести в эту жизнь разнообразие, представленное в смене как парадных, так и повседневных зрелищ.

В конечном итоге можно сказать, что новые идеи, звучащие в беллетристике XVII века, с одинаковой силой заявили о себе и в особом роде книжности – «чиновниках», также формировавших новую модель человека своего времени – человека, все больше и больше погружавшегося в пространство нового, изящного текста культуры.

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Переходная эпоха в развитии русской литературы, представленная многообразием книжных «пограничных» текстов, демонстрирует процессы, которые начиная со второй половины XVII века привели русскую литературу к открытию и усвоению новых приемов и механизмов в изображении мира и человека. Исследование показало, что эти новые литературные приемы не всегда можно отнести к разряду заимствованных и усвоенных русской литературой в результате влияния на нее европейской книжной традиции. Анализ привлеченных для исследования письменных памятников, созданных в переходную эпоху развития русской литературы, показал, что процесс слома прежней средневековой традиции происходил и в результате явлений, возникших в недрах русской книжной культуры. Одним из таких механизмов в переходный период развития русской литературы стала трансформация прежней литературной системы, сложившейся в средневековый период и в конечном итоге приведшей к появлению в русской литературе «переходного текста» со свойственной ему поэтикой.

Объем источников, исследованных в первой главе диссертации, свидетельствует о том, что в объективно меняющихся историко-культурных обстоятельствах и условиях происходил процесс пробуждения личностного сознания автора. Книжник (писатель) начинает по-иному изображать окружающий его мир, человека, ход исторического процесса, который воспринимается сквозь призму ежедневных событий, осмысливаемых теперь не только с позиции религиозного средневекового мировоззрения, но и обыденного течения жизни. Это доказано на примерах произведений, имеющих разножанровую природу: обрядовый текст, предназначенный для церковной службы, эпистолярные сочинения царя Алексея Михайловича, представляющие придворную словесную культуру, беллетристические повести рубежа XVII–XVIII веков. Привлеченный материал позволяет сделать вывод о том, что общей особенностью всех этих текстов, определяемых как «переходные», является отказ от стиливого канона, характерного для средневековой литературы. Приоритетным здесь становится стремление автора к свободному использованию на практике литературных приемов, приведших к открытию внутреннего мира человека, осознанию ценности события одного дня. Таким образом, привычный с точки зрения своей формы текст начинает «мерцать» новыми смыслами и символами, что в конечном итоге приводит к становлению новой семантико-смысловой семиосферы культуры XVII века в России.

«Пограничность» текста переходной эпохи была определена и с другой стороны: через изображение «новой» личности человека, формирующейся в условиях изменения мировоззренческих систем во второй половине XVII века.

Книжные тексты, рассмотренные во второй главе диссертации, акцентируют внимание на изменениях, произошедших в переходный период развития русской культуры, в восприятии категории времени и его изображении в литературе. Впервые привлеченный для филологического исследования памятник документальной книжности второй половины XVII века «Дневальные записки приказа Тайных дел» показал, как зарождалось ощущение исторического процесса, его хода, породившего интерес к событиям каждого дня и их фиксацию. Так документальный по своей природе книжный памятник органично вписывается в общий литературный контекст переходного периода благодаря тем особенностям, которые свидетельствуют о появляющемся интересе к частной жизни человека. Именно по этой причине он может быть сопоставлен с «дружескими» посланиями, принадлежащими перу царя Алексея Михайловича и ставшими «живыми» откликами на события, участниками которых был сам царственный адресант и его современники-адресаты.

Эпистолярные сочинения монарха являются примером «переходного текста», поскольку в них предметом изображения становится жизнь сердца героя, находящая свое воплощение в широком диапазоне эмоций и страстей. Письма царя – творческая лаборатория формирования чувств новой личности и их словесного выражения в тексте. В результате анализа эпистолярного наследия Алексея Михайловича возникают перспективы развития дружеского послания. Именно в переходный период русской литературы и закладываются основы традиции жанра дружеского послания, расцвет которого произойдет уже в литературе Нового времени (XVIII–XIX века). Послания Алексея Михайловича можно назвать «переходными», поскольку их стилистика соединяет в себе как традицию средневекового эпистолярного канона, так и новые авторские приемы, приводящие к индивидуализации обоих участников коммуникации: и автора послания, и его получателей (адресатов), из которых складывается галерея «героев переходного времени».

Насколько приемы индивидуализации персонажа и субъективный подход в оценке исторического события получили свое распространение в литературной практике переходного периода, свидетельствует сочинение беглого подьячего Посольского приказа Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Книжный памятник был впервые рассмотрен как образец «переходного текста» в русской литературе. Переходный характер сочинения Котошихина проявляется в том, что в нем прослеживается процесс формирования новой исторической картины мира, нового восприятия времени, исторического события и его изображения в книжном тексте.

Особое место в литературном процессе второй половины XVII века отводилось книжному жанру, содержащему описание различного рода церемониалов и обрядовых действий, – «чиновникам». «Тексты-ритуалы» регламентировали церемониальную практику и являли собой развернутые сценарии. В проведенном исследовании показан процесс «перехода» во второй половине XVII века сакрального обряда в светское и секуляризированное действие, вербализуемое и разыгрываемое в театрально-зрелищных формах. В итоге сделан вывод о том, что «чиновники» в переходный период русской культуры закладывают традиции театрализации повседневной жизни русского человека и являются одним из источников отечественной драматургии.

Также было установлено, что, благодаря двойственной природе «чиновников», они не только стали одним из реальных источников драматургических произведений переходной эпохи, но и послужили основой для беллетристических произведений русской литературы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что системный подход к выделению в литературном процессе второй половины XVII – первой трети XVIII века «переходного текста» – одна из актуальных проблем литературоведения. В предложенной работе расширено и углублено представление о поэтике комплекса разножанровых произведений, но объединенных общими признаками переходности.

В диссертационном исследовании выделены основные черты поэтики «переходного текста». Во-первых, синтез в рамках одного произведения документальной и книжной традиций, которые не вступают друг с другом в противоречие, но оцениваются автором с позиции их роли и возможности для выражения идеи в произведении. Во-вторых, в рассматриваемых текстах выявлен отказ от жесткого средневекового стилевого канона и переход к свободному стилю выражения автором своих мыслей, что в перспективе приводит к формированию в литературе художественной речи. В-третьих, для «переходного текста» характерна своя литературная техника, включающая в себя новые

риторические приемы, определяющие индивидуальный авторский стиль, субъективность авторской точки зрения, используемые изобразительные средства языка, в своей совокупности выступающие уже как признаки литературного текста. В-четвертых, «переходный текст» демонстрирует новый образ автора, мировоззрение которого формируется под влиянием меняющейся идеологии, благодаря которой в русской культуре начинается процесс секуляризации, изменившей представление и о художественном творчестве.

Предложенный в диссертационном исследовании концептуальный анализ выбранных произведений, представляющих «переходный текст», позволяет глубже рассмотреть процесс эволюции общественного сознания в России, расширяя представления современного человека об историко-культурных, историко-литературных процессах и явлениях, носивших «пограничный» характер и заложивших основы будущих реформ и преобразований в области культуры России.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, которые включены в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Шунков, А. В. Чин как жанровая форма в русской литературе XVII века. (Постановка проблемы) [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 172–176. – 0,3 п. л.

2. Шунков, А. В. «А честь и чин и образец всякой вещи учинен...» (К вопросу о литературной природе церемониальных текстов XVII века) [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 139–144. – 0,4 п. л.

3. Шунков, А. В. «Страшный суд» как сюжетобразующий мотив литературы и культуры Древней Руси [Текст] / А. В. Шунков // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 77–85. – 0,5 п. л.

4. Шунков, А. В. Семиотика времени в книжном документальном тексте второй половины XVII века (на примере «Дневальных записок приказа Тайных дел») [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 51–55. – 0,3 п. л.

5. Шунков, А. В. Литературная природа документальных текстов XVII века («Урядник сокольничья пути») [Текст] / А. В. Шунков // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 22–29. – 0,5 п. л.

6. Шунков, А. В. «Переходный текст» в русской литературе XVII века. Основные подходы научного исследования проблемы [Текст] / А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 404–408. – 0,3 п. л.

7. Шунков, А. В. «Чин погребения мирских человек» (XVI в.) и его традиция в поэтическом творчестве Г. Р. Державина» [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 2 (28). – С. 151–159. – 0,5 п. л.

8. Шунков, А. В. «Переходный текст» XVII века: культурно-семиотический аспект [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – № 2. – Т. 13. – С. 156–161. – 0,4 п. л.

9. Шунков, А. В. Смерть «чинная» и «бесчинная» в эпистолярной традиции переходного времени (На примере посланий царя Алексея Михайловича) [Текст] /

А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1 (44). – С. 215–218. – 0,3 п.л.

10. Шунков, А. В. Литературные приемы в документальном тексте переходного периода (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича») [Текст] / А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (46). – С. 244–248. – 0,3 п.л.

11. Шунков, А. В. «Сказание об успении Богородицы» как литературный памятник переходного периода [Текст] / А. В. Шунков // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 18–26. – 0,5 п.л.

12. Шунков, А. В. Образ автора в посланиях царя Алексея Михайловича периода Русско-польской войны (1654–1667 гг.) (К проблеме рассмотрения поэтики текста переходного времени) [Текст] / А. В. Шунков // Омский научный вестник. – 2014. – № 329. – С. 108–112. – 0,3 п.л.

13. Шунков, А. В., Рыбникова, Е. Е. Языковая репрезентация личности в эпистолярной традиции переходного времени (На материале официальных писем царя Алексея Михайловича) [Текст] / А. В. Шунков, Е. Е. Рыбникова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (48). – С. 136–141. – 0,4 п.л.

14. Шунков, А. В. Документальный текст в литературной традиции переходного времени (к вопросу об эволюции документальных жанров в историко-литературных условиях второй половины XVII в.) [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С. 42–46. – 0,3 п.л.

15. Шунков, А. В. Динамика мировоззренческих представлений русского книжника в переходный период (на примере эпистолярного творчества царя Алексея Михайловича) [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29 (II). – С. 100–107. – 0,4 п.л.

16. Шунков, А. В. Мотив блудного сына в эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича [Текст] / А. В. Шунков // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 259–267. – 0,5 п.л.

17. Шунков, А. В. Образ Европы в русских путевых записках конца XVII века. «Записки путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в европейские государства...» [Текст] / А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 1 (50). – С. 302–307. – 0,4 п.л.

18. Шунков, А. В. Архетипический мотив в эпистолярной традиции переходного времени: «блудный сын» в послании Алексея Михайловича к А. Л. Ордину-Нащокину [Текст] / А. В. Шунков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 1 (59). – С. 93–99. – 0,5 п.л.

Монография, разделы в коллективных монографиях, учебные пособия:

19. Шунков, А. В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича) [Текст] / А. В. Шунков. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 96 с. – 4,13 п.л.

20. Шунков, А. В. «Блудный сын» в книжной традиции переходного времени (вторая половина XVII – первая треть XVIII вв.): традиция и новизна [Текст] / А. В. Шунков // Притча в русской словесности от Средневековья до современности: кол. монография. – Новосибирск, 2014. – С. 225–241. – 1 п.л.

21. Шунков, А. В. «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века [Текст] / А. В. Шунков. – Кемерово: АРФ, 2007. – 70 с. – 3,22 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

22. Шунков, А. В. Литературно-эстетическое своеобразие «Урядника сокольничья пути» как памятника церемониальной культуры XVII столетия [Текст] / А. В. Шунков // Общественное сознание и литература XVI–XVII вв. – Сборник научных трудов. Сер. «Археография и источниковедение Сибири». – Новосибирск, 2001. – Вып. 21. – С. 74–83. – 0,62 п.л.

23. Шунков, А. В. Литературное своеобразие документальных грамот царя Алексея Михайловича [Текст] / А. В. Шунков // Дергачевские чтения – 2000 : материалы всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 251–254. – 0,45 п.л.

24. Шунков, А. В. Автор и герой в «Повести о преставлении патриарха Иосифа»: традиционное и новое [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Филология». – 2002. – №. 4 (12). – С. 273–280. – 0,5 п.л.

25. Шунков, А. В. О роли обрядовой традиции в становлении придворного церемониала второй половины XVII века. (На примере «Урядника сокольничья пути») [Текст] / А. В. Шунков // Славянский сборник: материалы Славянских чтений на тему «Философские, нравственные, эстетические искания русской литературы: история и современность», проведенных 13–14 мая 2003 г. Вып. 2. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2003. – С. 24–29. – 0,37 п.л.

26. Шунков, А. В. К проблеме «дружеского» послания царя Алексея Михайловича [Текст] / А. В. Шунков // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2–3 октября 2002 года. – Екатеринбург, 2004. – С. 196–200. – 0,31 п.л.

27. Шунков, А. В. «Родовое» и «индивидуальное» в «Повести о Горе-Злочастии» [Шунков] / А. В. Шунков // Религиозность в России: социально-гуманитарные аспекты исследования: материалы всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, 24–25 ноября 2003 г. – Кемерово, 2004. – С. 211–217. – 0,43 п.л.

28. Шунков, А. В. Жанровое своеобразие «дружеского» послания царя Алексея Михайловича [Текст] / А. В. Шунков // Парадигматика в языке и речи: сборник кафедры теории языка и славяно-русского языкознания под ред. Л. П. Груниной. – Кемерово, 2004. – Вып. 2. – С. 172–178. – 0,43 п.л.

29. Шунков, А. В. Обрядовая традиция в Уряднике сокольничья пути», памятнике литературы XVII века [Текст] / А. В. Шунков // Фольклор как форма творчества: сборник кафедры русской литературы и фольклора КемГУ под ред. Э. М. Афанасьевой, Е. Ю. Сафатовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 82–92. – 0,62 п.л.

30. Шунков, А. В. Литературный этикет Древней Руси и церемониальная культура XVII века [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2006. – № 1. – С. 39–45. – 0,28 п.л.

31. Шунков, А. В. «Урядник сокольничья пути» (1656 г.) и западноевропейская книжная традиция: к вопросу об источниках памятника [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Томского государственного университета. Серия «Материалы международных, всероссийских и региональных научных конференций, семинаров, симпозиумов, школ». Доклады и статьи международных научных чтений «Д. С. Лихачев и русская культура». – 2006. – № 22. – С. 11–15. – 0,38 п.л.

32. Шунков, А. В. Царь Алексей Михайлович как духовный писатель [Текст] / А. В. Шунков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 85–90. – 0,54 п.л.

33. Шунков, А. В. Духовное творчество царя Алексея Михайловича: традиции и новизна [Текст] / А. В. Шунков // Пространственно-временные перекрестки культуры: сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека» 30–31 октября 2008 года / Рубцовский индустриальный институт (филиал) ГОУ ВПО «Алтайский государственный технический ун-т им. И. И. Ползунова». – Барнаул – Рубцовск: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 251–257. – 0,4 п.л.

34. Шунков, А. В. Авторское слово в русской эпистолографии 2-й половины XVII века (на материале семейной переписки царя Алексея Михайловича) [Текст] / А. В. Шунков // Acta Neophilologica. Rocznik naukowy Instytutu neofilologii, UWM. – Olsztyn, 2010. – № XII. – S. 181–191. – 0,68 п.л.

35. Шунков, А. В. Обрядово-церемониальные тексты XVII века и их роль в развитии русской словесности [Текст] / А. В. Шунков // Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте: сборник статей по материалам Российской научно-практической конференции с международным участием. – Кемерово: изд-во КемГУКИ, 2010. – С. 182–189. – 0,5 п.л.

36. Шунков, А. В. Идея порядка и ее воплощения в жанровой традиции Древней Руси [Текст] / А. В. Шунков // Acta Neophilologica. Rocznik naukowy Instytutu neofilologii, UWM. – Olsztyn, 2012. – № XIV (1). – S. 193–201. – 0,54 п.л.

37. Севастьянова, С. К., Шунков, А. В. Русско-польская война и идея власти в России в середине XVII века [Текст] / С. К. Севастьянова, А. В. Шунков // Homo communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. – Щецин (Szczecin), 2012. – С. 246–253. – 0,68 / 0,34 п.л.

38. Шунков, А. В. Категория «чин» в литературном и культурно-историческом контексте Древней Руси [Текст] / А. В. Шунков // Историческое исследование творческого потенциала культур : сборник статей. – СПб: Эйдос, 2012. – С. 64–74. – 0,62 п.л.

39. Шунков, А. В. «The last judgement» as a plot motive of literature and culture of ancient Russia [Text] / А. В. Шунков // Sociálne posolstvo Jána Pavla II. Pre dnešný svet 2013 // Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 21–22 marca 2013 v Poprade. – Ružomberok, 2013. – S. 686–690. – 0,34 п.л.

40. Шунков, А. В. Документальное и художественное в текстах XVII века [Текст] / А. В. Шунков // Культура, история и литература Русского мира: общенациональный и региональный аспект: сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир

человека». – Барнаул: изд-во Алт. гос. технич. ун-та, 2014. – С. 381–388. – 0,74 п.л.

41. Шунков, А. В. Мир и герой в эпистолярной традиции переходного времени (на примере посланий царя Алексея Михайловича) [Текст] / А. В. Шунков // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2014. – № 10. – С. 103–110. – 0,41 п.л.

42. Шунков, А. В. Трансформация сюжета о блудном сыне в повестях петровского времени [Текст] / А. В. Шунков // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. К юбилею чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской.: материалы всероссийской научной конференции / отв. ред. И. В. Силантьев. – Новосибирск: Омега Принт, 2014. – С. 136–141. – 0,46 п.л.

Исследовательская проблема, нашедшая отражение в представленных публикациях, отмечена в рецензиях, опубликованных в зарубежной научной периодике:

Alicja Wołodźko-Butkiewicz. А. В. Шунков: Жанр послания в русской литературе XVII века (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). – Кемерово: КемГУКИ 2006. – 97 с. [Text] / Alicja Wołodźko-Butkiewicz // *Studia Rossica XIX. Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich*. Redakcja naukowa: Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. Wydawnictwo «Studia Rossica». – Warszawa, 2007. – S. 535–538.

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 2,95. Усл. печ. л. 2,2.

Тираж 100 экз. Заказ № 1066.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

E-mail: izdat@kenguki.ru